

Юлия Вихарева

Румба на костылях

18+

Юлия Вихарева
Румба на костылях

«Автор»

2025

Вихарева Ю.

Румба на костылях / Ю. Вихарева — «Автор», 2025

Повесть "Румба на костылях" - ироничная история о молодой женщине, работающей медсестрой в больнице... и о том, что любовь может настичь тогда, когда её совсем не ждёшь.

© Вихарева Ю., 2025

© Автор, 2025

Юлия Вихарева

Румба на костылях

1 ГЛАВА

Лида Курицына всегда была полной. Сначала она была полной девочкой, затем полной девушкой, а потом уже стала полной молодой женщиной двадцати семи лет. И ещё Лида постоянно худела. Сколько себя помнила, она всегда сидела на диетах, старалась следить за весом, но всё было тщетно. Организм Лиды имел одну странную особенность – если Лида изнуряла его жёсткой диетой, то он нехотя прощался лишь с несчастной парой-тройкой килограммов, но стоило Лиде чуть расслабиться и позволить себе "лишнего", как все потерянные килограммы организм с лихвой возвращал обратно и многонедельные результаты сводились к нулю.

Конечно, Лида страдала. Страдания, испытываемые Лидой, были двух видов – физические и психологические. Страдать физически было для Лиды не так мучительно, как психологически. Например, когда женщина примечала в магазине какую-нибудь симпатичную кофточку и, примерив её, обнаруживала что кофточка настолько тесна, что в ней не то что двигаться, даже дышать трудно, – это было физическое страдание. И это, как говорится, ещё полбеды. Но вот когда на её робкую просьбу подать кофточку на размер побольше звучал пренебрежительный ответ продавца: «Женщина, Вы что хотите? И так взяли самый большой размер, что у нас есть в ассортименте!», Лида получала психологическую травму.

О том, что её испорченное на весь оставшийся день настроение называлось ни какнибудь, а именно «психологическая травма», Лида узнала из статьи глянцевого журнала «Cosmopolitan», которая называлась «Похудеть на 10 килограммов сразу!». Там говорилось, что девяносто процентов полных людей постоянно испытывают дискомфорт из-за излишнего веса и имеют заниженную самооценку по отношению к собственной внешности. Этот дискомфорт выливается в стрессы, а накопившиеся стрессы, в свою очередь, образуют серьёзную психологическую травму.

Ежедневно Лида копила стрессы, как пятаки в копилку. Через некоторое время, как и полагалось, они выливались в эту самую пресловутую травму, с которой, согласно рекомендаций «Cosmopolitan», обязательно требовалось бороться. Лида боролась так: в выпавший по графику выходной день шла в ближайший продуктовый магазин, покупала там коробку шоколадных конфет «Коркунов» и отправлялась домой. Дома она усаживалась в гордом одиночестве перед телевизором, включала какую-нибудь мелодраму и за её просмотром съедала всю коробку за один присест. Когда травма была особенно невыносимой, «Коркунов» не помогал, и к нему приходилось добавлять сто двадцать пять граммов трёхзвездочного «Арарата».

Коньяк и шоколад делали своё дело. Расслабившаяся Лида забывала о своей травме и полностью погружалась в мир кино. На какое-то время невыразимые страдания киношных героинь затмевали её собственные. Лида видела своими глазами, что даже сногшибательные длинноногие красотки умудрялись быть несчастными: их обманывали мужья, бросали любовники и предавали подруги. И если идеальная внешность женщины не гарантировала ей счастливое существование, что уж было говорить о Лиде, которая была далека от идеала?

Как правило, вечер в компании с киногероями проходил чудесно. После просмотра очередного сентиментального фильма у Лиды значительно повышалась самооценка и возрастал интерес к жизни. Она даже пыталась полюбить себя такой, какая она есть. Искала в себе что-то хорошее, как советовали психологи, и находила! Лида убеждала себя, что полнота у неё вполне приятная, а фигура, в общем, пропорциональна. Но самым главным достоинством Лиды, по её мнению, были длинные, до пояса, густые светлые волосы, которые она обычно заплетала в толстую косу, и большие тёмно-карие глаза. Это редкое сочетание светлых волос и тёмных глаз, хоть и считалось биологическим недоразумением (Лида когда-то где-то читала об этом), но

выглядело оно не отвратительно, а совсем даже наоборот. Кроме того, Лида обладала такими качествами характера, как доброта, мягкость, умение сопереживать несчастьям других людей. И ещё Лида прекрасно пела, правда делала она это, в основном дома в ванной комнате, стоя под душем. Там ей особенно удавалась русская народная песня «Зачем тебя я, милый мой, узнала». Намыливая своё «кустодиевское» тело, Лида всегда начинала с неё, запевая так называемым драматическим сопрано:

–Зачем тебя я, милый мой, узнала?

Зачем ты мне ответил на любовь?

И горяшка тогда бы я не знала,

Не билось бы мое сердечко вновь.

Потом наступала небольшая пауза, после которой Лида, проникшись к героине песни каким-то особенным чувством, взывала во весь в голос:

– А-а-а-а а-а-а-а а-а-а-а,

Не билось бы мое сердечко вновь....

Далее следовал второй, полный тревоги и отчаянья, куплет, и, наконец, любимые строчки Лиды, которые она исполняла, обливаясь горячими слезами:

– А-а-а-а а-а-а-а а-а-а-а,

Зачем же ты, желанный, не идешь...

Вот в этот самый момент Лиде и казалось, что она достигала подлинного взлёта песенного мастерства.

Однако утром уверенность куда-то улетучивалась, самооценка падала и Лида сникала, как фикус, который давно не поливали. Утра были для неё особенно ненавистными, ведь именно с них начинались скучные, ничем непримечательные дни, в коих абсолютно ничего не происходило. Лида точно знала, с чего они начнутся и чем закончатся: что ровно в шесть прозвонит будильник, после чего она тут же встанет с кровати и поплетётся в ванную принимать душ. После душа она выпьет чашку чёрного кофе с кусочком сахара и съест несколько пресных галет, заново сев на строжайшую диету. Затем, стараясь не смотреться в зеркало, она привычными движениями заплетёт тугую косу, напялит на себя бесформенную трикотажную кофту и длинную широкую юбку, и отправится на работу. Добросовестно отработав свою смену, она в гордом одиночестве возвратится поздно вечером домой, где, переодевшись в халат, скудно поужинает (обычно яичницей с колбасой и стаканом кефира) и ляжет спать, перед этим заведя будильник на шесть утра.

Надо признать, работа у Лиды была неплохая, с приемлемым графиком – два через два с восьми утра и до восьми вечера, и ей бы даже нравилась эта работа, если бы не одно «но». Это «но» и портило всю картину.

Дело было вот в чём. Лида работала процедурной медсестрой в мужском отделении травматологии одной из городских больниц. В одну смену с ней работали ещё две медсестры – постовая и перевязочная. Надо отметить, что мужское отделение было большим и состояло из пятнадцати палат, койки которых никогда не пустовали, так что сёстрам приходилось обслуживать в смену около пятидесяти больных. Все три сестры просто физически не справлялись со всеми делами одновременно, поэтому были взаимозаменяемы. Лида привыкла к этому и легко менялась обязанностями с той и другой сестрой, после обхода больных дежуря в качестве постовой, либо делая перевязки, если её напарница не справлялась с больными в одиночку. Но все-таки основной обязанностью Лиды оставался обход тяжелых лежачих пациентов и утренние уколы, отнимающие много времени. Кроме уколов Лида ставила больным капельницы и делала забор крови для анализов. Иногда ей доверяли более сложную и ответственную работу, такую, как снятие швов и удаление тампонов. Несколько раз Лида даже ассистировала хирургам при операциях, подавая им необходимые инструменты и всячески помогая в процессе работы.

Можно было сказать, в своей профессии Лида чувствовала себя, как рыба в воде. Ей нравилось помогать людям, ухаживать за ними, особенно за мужчинами, попавшими в беду. Мужчины в отделение поступали разные – молодые и старые, молчаливые и разговорчивые, приветливые и недружелюбные, но все они, как один, становились беспомощными, словно дети, как только оказывались на больничной койке.

В этом ключевом моменте и крылось то самое пресловутое «Но!». Самым обидным и несправедливым было то, что помощи эти мужчины ждали как раз не от заботливой и чуткой профессиональной медсестры Курицыной, а совсем от другой – постовой сестрички с кокетливым именем Анфиса и необычной фамилией Радушко.

Анфиса Радушко устроилась на работу в городскую больницу номер сорок всего несколько месяцев назад, в отличие от Лиды, которая работала там уже более четырёх лет, и почти сразу же стала самой востребованной медсестрой во всём мужском отделении. Анфиса была необычайно хороша собой: её фигура с высокой грудью, узкой талией и крепкими бёдрами напоминала песочные часы. У Анфисы было красивое лицо с крупным подвижным ртом и высокими скулами, и вьющиеся каштановые волосы. А ещё Анфиса умела шикарно смеяться. Смеялась она по любому поводу и без, обнажая при этом белые, здоровые зубы, запрокидывая голову назад и трясая гривой волос, как молодая игривая кобылица. Смех у Анфисы был громкий, залихватый и очень заразительный.

Лида не раз с грустью отмечала, с каким вождением смотрели мужчины Анфисе вслед, как провожали восхищёнными взглядами её гибкое сильное тело, облачённое в коротенький отглаженный халатик. На фоне Анфискиной необузданной красоты блекли даже самые лучшие профессиональные Лидины навыки, а ведь никто во всём отделении не умел так легко и безболезненно делать уколы и перевязки, как Лида Курицына!

Поначалу Лида пыталась подражать Анфисе. Укоротила до колен и накрахмалила свой мешковатый больничный халат, распустила тяжёлую косу и стала завивать концы волос на бигуди. Заходя в палату к пациентам, старалась выглядеть при них сумасбродной и легкомысленной хохотушкой. На любые, даже самые заурядные и пошлые шутки мужчин она непременно теперь отвечала смехом, высоко вскидывая голову и трясая светло-русыми кудряшками. Однако смех у Лиды не был таким звонким и выразительным, как у Анфисы, да и мелкие, не совсем ровные зубы приходилось прикрывать ладошкой.

Сказать, что Лидины старания оставались незамеченными, было бы неправдой. С ней охотно заигрывали одинокие старички и женатые мужчины среднего возраста. Последние особенно были не прочь приударить за Лидой на тот период, пока проходили лечение в больнице. То ли от тоски, а то ли от безысходности, но пару раз Лида ответила двум таким женатикам взаимностью.

Одному из них было почти пятьдесят, однако выглядел он моложе своих лет, был высок и подтянут, правда, совершенно лыс. Звали его Даниил Александрович, но Лиду он просил, чтобы та называла его Даней.

Даня был галантен, угощал Лиду виноградом и апельсинами, которые ему приносила жена во время своих ежедневных посещений. Самым главным преимуществом Дани было то, что он принадлежал к разряду «ходячих» больных: его сломанная в результате неудачного падения с лестницы нога заживала, и Даня мог не только вставать с кровати, но и довольно шустро передвигаться на костылях по отделению.

Лежал Даня в платной одиночной палате, каких в отделении было две. Палата имела все удобства: холодильник, телевизор и даже кондиционер. В эту самую палату Даня и пригласил однажды Лиду после её рабочей смены «посмотреть телевизор».

Получив предложение, Лида испытала угрызения совести перед женой Дани, которую видела пару раз в часы посещения, но после некоторых колебаний всё-таки решилась заглянуть к Дане «на огонёк».

Зайдя в палату, она увидела Даню, сидящего за маленьким столом у окна. На стол была постелена небольшая белая салфетка, на которой стояли две тарелки – одна с фруктами, а другая с домашними пирогами. В центре же красовалась бутылка красного сухого вина «Bardolino» и два гранёных стакана.

Сам Даня, одетый в синий спортивный костюм «adidas», выглядел напыщенным. Он был гладко выбрит и благоухал на всю палату дорогим парфюмом.

– Ну-с, душенька, проходи, не стесняйся, – произнёс он густым поставленным голосом и развёл руками, – как говорится, чем богаты...

Лида затравленно кивнула и присела на край больничной койки. Без лишних церемоний Даня откупорил бутылку, разлил вино по стаканам и включил телевизор. Они выпили. А после второго стакана Даня полез к Лиде целоваться. Нет, Лида, в принципе была не против поцелуев, тем более, что она ни разу всерьёз не целовалась со взрослыми мужчинами, но то ли напористость Дани, то ли больничная обстановка лишали этот важный для Лиды момент всякой романтики. Не помогло даже вино и интимный свет, слабо идущий от маленького светильника, висящего над койкой.

– Ну что ты, пампушечка моя, – хмыкнул Даня, склонившись над Лидиной грудью и проворно просовывая пальцы за ворот её больничного халата, – что ж ты даже халатик не снимешь...

Лида скосила глаза на Данину голову – туда, где на отполированной лысине, как в зеркале, отражалась лампочка от светильника, и неожиданно для самой себя рассмеялась.

– Дура ты баба, – обиделся Даня, отодвинувшись в сторону, взял пирог с тарелки и нервно откусил от него кусок, – в кой-то веки на тебя мужик позарился, а ты...

– С чем? – Вдруг поинтересовалась Лида у Дани, кивнув на пирог.

– Что с чем? – Он перестал жевать, удивлённо уставился на девушку.

– Пирог с чем?

– С капустой. А для чего ты это спросила?

– Так просто, – пожалала Лида плечами и встала с кровати, – ну я пошла.

Даня засунул остатки пирога в рот, пробубнил со злостью, – иди.

И добавил тихо, – чокнутая.

Лида вся съежилась внутри, но ничего не ответила. Просто вышла из палаты и тихо закрыла за собой дверь.

2 ГЛАВА

Второй ухажёр появился у Лиды ровно через месяц после того, как Даню выписали из больницы, при знакомстве представился Серёжей. Второй был гораздо моложе первого – на целых десять лет. Лежал в общей палате с повреждением мениска в коленном суставе. В отличие от Дани, был застенчив: робко заигрывал с Лидой, когда та ему меняла повязки в процедурном кабинете.

В первую же встречу, пока Лида снимала ему бинты после операции, сказал:

– У Вас очень ласковые руки.

Лида покраснела, пожалала плечами:

– Руки как руки.

– Нет, они у Вас необыкновенные.

С этого и началось их романтическое знакомство.

Серёжа рассказал Лиде, что работает инженером – проектировщиком в крупной строительной организации, неплохо зарабатывает и после недавнего развода со своей женой живёт один в собственной однокомнатной квартире в центре города.

Лиде Серёжа понравился. Внешне он был довольно мил: среднего роста, чуть полноват, с серьёзным интеллигентным лицом. Интеллигентности ему придавали маленькие круглые очки

в золотой оправе. Говорил он мягко, чуть заикаясь, и при каждой встрече с Лидой, осыпал её комплиментами.

После операции Серёжа прошёл двухнедельную реабилитацию, выписался из больницы и... пропал. Правда, за день до выписки успел признаться Лиде в своих чувствах, одарить её ласками в подсобке, где хранилась архивная документация, и обменяться номерами сотовых телефонов.

- Лидонька, ты такая чудесная, такая добрая, настоящая, – шептал Серёжа, дрожа от возбуждения и зарываясь лицом в её большую мягкую грудь, – как всё-таки хорошо, что мы встретились!

Задыхаясь от нахлынувшей к Серёже нежности, Лида лишь кивала в ответ и целовала его курчавую, как у ребёнка, макушку. В подсобке царил полумрак и Лида плохо различала Серёжины черты лица. Лишь видела, как поблёскивают круглые стёкла его очков. Отчасти она была даже благодарна темноте, ведь раздевая Лиду, Серёжа почти не видел её тела, а значит можно было себя не стесняться. Они любили друг друга впопыхах и на ощупь, но Лиде, впервые познавшей мужские ласки, эти минуты казались волшебными.

На следующий день, не дождавшись Серёжиного звонка, Лида решила позвонить сама. Трубку взяла какая-то женщина и сухо объявила, что не знает никакого Серёжу и что Лида, вероятно, ошиблась номером.

Спустя ещё два дня томительного ожидания, обеспокоенная Лида через больничную картотеку нашла Серёжин адрес и поехала к нему сама.

Серёжа и вправду жил в центре города и найти его было довольно просто. Поднявшись на третий этаж, Лида позвонила в одиннадцатую квартиру. Дверь открыла молодая худощавая женщина с короткой всклокоченной стрижкой.

– Вам кого? – Спросила она, вытирая руки о фартук.

Лида оторопело глянула на женщину:

– Мне Серёжу. А Вы кто?

– Я, собственно, Серёжина жена.

– Как... но... – Лида запнулась и замолчала, вцепившись побледневшей рукой в дверной косяк.

– Вам его позвать? – Женщина с удивлением посмотрела на растерянную Лиду.

– Да... То есть, нет, пожалуй, – Лида почувствовала, как дурнота подступает к горлу. –

До свидания.

Она оторвала руку от косяка и на негнущихся ногах поплелась вниз по лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.